

О проблемах анонимности и приватности криптовалюты в исполнительном производстве

Аннотация. В статье на основании действующего законодательства, существующих доктринальных представлений и международного опыта рассматриваются возможные решения проблем анонимности и приватности криптовалюты в исполнительном производстве. Автор доказывает, что возможными решениями обозначенных проблем могут быть: а) стимулирование воли должника на раскрытие информации о принадлежащей ему цифровой валюте и на содействие в обращении взыскания на нее; б) поиск цифровой валюты и получение доступа к ней посредством взаимодействия с операторами информационных систем и другими государственными органами; в) получение доступа к криптокошельку должника через изъятие носителей приватного ключа. Отдельно рассматриваются возможные способы идентификации владельца криптовалюты при отсутствии точной информации о владельце криптокошелька. В заключение автор делает вывод о том, что проблема анонимности и приватности цифровой валюты носит комплексный характер и требует комплексного же решения. Средства деанонимизации и получения доступа к криптовалютным активам должны различаться в зависимости и от их характеристик, и от складывающейся правовой и фактической ситуации, чтобы обеспечить исполнительному производству максимальную гибкость.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, обращение взыскания на имущество, исполнительное производство, цифровые технологии

**Александр
Владимирович
НЕЗНАМОВ,**

доцент кафедры
гражданского процесса
УрГЮУ имени
В.Ф. Яковлева,
доцент, кандидат
юридических наук
avneznamov@mail.ru
620066, Россия,
г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21,
каб. 404

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.126.2.091-102

Alexandr V. NEZNAMOV,

Associate Professor of Civil Procedure Subdepartment
of the USLU named after V. F. Yakovlev,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
avneznamov@mail.ru

of. 404, 21, ul. Komsomol'skaya, Yekaterinburg, Russia, 620066

On the Issues of Anonymity and Privacy of Cryptocurrencies in Enforcement Proceedings

Abstract. Based on the current legislation, existing doctrinal concepts and international experience, the article examines possible solutions to the problems of anonymity and privacy of cryptocurrencies in enforcement proceedings. In particular, the author proves that possible solutions to this problem

© Незнамов А. В., 2025

can be: a) stimulating the debtor's will to disclose information about the digital currency belonging to him and to assist in foreclosing on it, b) searching for digital currency and gaining access to it through interaction with information system operators and other government bodies, c) obtaining access to the debtor's cryptographic wallet through the withdrawal of private key carriers. Possible ways to identify the owner of a cryptocurrency in the absence of accurate information about the owner of a cryptowallet are considered separately. In conclusion, the author concludes that the problem of anonymity and privacy of digital currency is complex and requires a comprehensive solution. The means of deanonymization and gaining access to cryptocurrency assets should differ both from their characteristics and the prevailing legal and factual situation in such a way as to provide enforcement proceedings with the maximum flexibility necessary.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, foreclosure on property, enforcement proceedings, digital technologies

Введение

Дематериализация гражданского оборота, безусловно, является одной из актуальнейших тенденций развития современного права. Все большее распространение цифрового имущества и средств расчета привело к тому, что, по некоторым данным, на 2022 г. в криптовалюте хранилось до 1,2 трлн долларов США¹; по оценкам, примерно 12 % от этой суммы (214 млрд долларов США или 16,5 трлн российских рублей) принадлежит россиянам².

С принятием Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ (далее — Закон о цифровых финансовых активах), цифровое имущество приобрело легальный статус, что, в свою очередь, создало предпосылки для обсуждения вопроса об обращении взыскания на такое имущество в рамках исполнительного производства. Однако никакой специфический механизм такого взыскания в Федеральном законе «Об исполнительном производстве»⁴ закреплён не был; законодательство об исполнительном производстве ограничивается лишь указанием на то, что для целей исполнительного производства цифровая валюта признаётся имуществом (ч. 4 ст. 68).

¹ 22 человека в мире накопили криптовалюту более чем на \$1 млрд // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/64f834aa9a794741f572b488> (дата обращения: 15.12.2024).

² Bloomberg: на долю россиян приходится 12 % всей мировой криптовалюты // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5194088> (дата обращения: 15.12.2024).

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

⁴ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

В то же время в научной литературе справедливо указывается на то, что цифровая валюта представляет собой имущество особого рода⁵ и использование в отношении нее существующих механизмов исполнительного производства не всегда возможно и (или) эффективно. В частности, обращению взыскания на нее, как указывается, значительно препятствуют такие характеристики криптовалюты, как ее анонимность (псевдонимность⁶) и приватность⁷.

В связи с этим нельзя не отметить, что попытки адаптировать механизмы принудительного исполнения к реалиям современного имущественного оборота имеют место не только на национальном, но и на международном уровне. Так, в 2021 г. Международным советом судебных исполнителей (UIHJ) с участием и российских представителей был принят Всемирный кодекс цифрового исполнения; принудительному исполнению за счет цифровых активов в нем посвящены части 5 («Исполнение в отношении цифровых активов») и 7 («Арест криптоактивов»)⁸. Данный документ, обобщающий опыт обращения взыскания на цифровые активы в различных правовых порядках, полагаем, может быть учтен при выработке подходов к обозначенному вопросу в российском праве.

Постановка проблемы

Характеристики криптовалют многократно описаны в литературе⁹ и в этом смысле вряд ли требуют дополнительного пояснения. В то же время, поскольку правовая природа криптовалют (применительно к этому вопросу, как правило, раскрываются их характеристики¹⁰), как представляется, не имеет для принудительного исполнения решающего значения, проблемы анонимности и приватности цифровой валюты¹¹ в исполнительном производстве все же должны быть конкретизированы.

⁵ Аксенов И. А. Обращение взыскания на цифровую валюту в исполнительном производстве // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 12. С. 35—42.

⁶ Такой термин, в частности, использует Р. М. Янковский. В целом соглашаясь с оправданностью использования такого термина, исходя из сложившейся практики словоупотребления, в данной работе будем использовать термин «анонимность». См.: Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. № 4. С. 50.

⁷ Аксенов И. А. Указ. соч. С. 41.

⁸ Всемирный кодекс цифрового исполнения // *Вестник исполнительного производства*. 2021. № 4. С. 13—39.

⁹ См., например: Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. М. : 4 Принт, 2020.

¹⁰ См., например: Белых В. С., Болобонова М. О. Проблемы определения правового режима криптовалют // *Журнал предпринимательского и корпоративного права*. 2019. № 3 (15). С. 23—28.

¹¹ Отдавая себе отчет в неидентичности данных понятий, в силу сложившейся в литературе традиции считаем возможным в данной работе использовать термины «цифровая валюта», «криптовалюты» и «криптоактивы» как синонимы.

Как известно, значимость имущества для исполнительного производства заключается в том, что на него может быть обращено взыскание. В свою очередь, обращение взыскания на имущество как процедура, которая должна способствовать своевременному, правильному и максимально полному удовлетворению требований взыскателя, дифференцируется в зависимости от целого ряда обстоятельств, в числе которых физические, экономические и правовые свойства имущества, на которое обращается взыскание¹².

Физические же и технические характеристики криптовалют, в частности: владение таким имуществом посредством обезличенных криптокошельков, владельцы которых, как правило, никак не идентифицированы (анонимность); доступ к криптокошельку посредством приватного ключа, в отсутствие которого, как считается, получить доступ к такому имуществу невозможно (приватность), — в совокупности делают затруднительным или даже невозможным использование традиционных механизмов обращения взыскания на имущество. Проблема также усугубляется цифровой формой существования криптовалюты и преимущественно децентрализованным характером ее обращения.

Так, цифровая форма криптовалюты, ее анонимность и децентрализованность во многом делают неэффективными традиционные каналы получения информации об имуществе должника: ее невозможно физически обнаружить в жилых или нежилых помещениях, принадлежащих должнику; информацию о таких активах, несмотря на требования ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах, затруднительно получить от государственных органов¹³. Цифровая форма криптовалюты и ее приватность делают невозможным ее физический арест или изъятие в порядке, предусмотренном для вещей; при этом децентрализованный характер ее эмиссии и обращения затрудняет наложение ограничений и изъятие ее путем взаимодействия с операторами соответствующих информационных систем.

Кроме того, даже если судебному приставу-исполнителю удастся обнаружить криптоактивы должника и получить к ним доступ, всегда остается обусловленная анонимностью криптокошельков проблема идентификации должника в качестве действительного владельца данного имущества¹⁴.

Таким образом, проблемы анонимности и приватности криптовалют в исполнительном производстве заключаются в том, что в совокупности с другими характеристиками цифровой валюты (цифровая форма, децентрализованность) они делают затруднительным поиск такого имущества, идентификацию его как принадлежащего должнику, его арест и изъятие.

¹² Кудрявцева В. П. Исполнение требований неимущественного характера. М. : Статут, 2015. С. 57.

¹³ Открытых данных о количестве лиц, задекларировавших в российских налоговых органах информацию о принадлежащих им криптоактивах, нет. Однако по некоторым данным это число можно оценить в несколько десятков тысяч человек. См.: Эксперты сообщили о начале ФНС проверки криптовалютных доходов россиян // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/643907379a7947f906daad87> (дата обращения: 15.12.2024).

¹⁴ В этом плане, полагаем, обращение взыскания на криптовалюту обладает высоким потенциалом для возникновения споров о принадлежности криптовалюты, хотя найти подобные примеры в судебной практике не удалось.

Возможные способы решения проблемы

Было бы неправильным сказать, что проблемы анонимности и приватности криптовалют не осознаны российским правом и не предлагается никакого их решения. Напротив, свои решения данных проблем предлагают и законодатель, и наука¹⁵; по имеющейся у нас информации, ищет их и правоприменитель.

Так, норма ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах (декларирование криптовалютных активов в налоговых органах), помимо исполнения собственно налоговой обязанности, косвенно должна способствовать возможности поиска криптовалютных активов и идентификации их владельцев заинтересованными лицами.

В научной же литературе предлагается довольно широкий спектр возможных решений данной проблемы: от довольно умеренных (наложение на должника астрента и взаимодействие судебного пристава-исполнителя с провайдером информационной системы¹⁶, установление владельца криптовалюты на основе анализа IP-адресов, с которых осуществляется доступ к криптокошельку, применение к должнику мер косвенного принуждения¹⁷) до довольно радикальных (создание в рамках органов принудительного исполнения функций «киберпристава», «киберотмычки» и «киберказначейства»¹⁸).

Безусловно соглашаясь с действенностью некоторых из таких мер, полагаем, однако, что отдельных мер, самих по себе, недостаточно. Анонимность и приватность криптовалюты — это сложная проблема, требующая комплексного решения даже на уровне исполнительного производства.

Криптовалюты очень многообразны¹⁹, многообразны и их характеристики, а также фактические и правовые ситуации, которые могут складываться при обращении взыскания на криптоактивы: где-то речь будет идти о централизованной криптовалюте, обращающейся в информационной системе, оператор которой подчиняется российской юрисдикции, и проблем с поиском и арестом активов не будет вообще; где-то судебному приставу удастся обнаружить и изъять «холодный ключ» к криптокошельку должника, решив таким образом проблему доступа к его криптоактивам; а где-то, и применив к должнику все возможные меры косвенного принуждения, судебный пристав-исполнитель так и не сможет достичь результата.

¹⁵ См., например: *Аксенов И. А.* Обращение взыскания на цифровую валюту в исполнительном производстве // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2021. № 12. С. 35—42; *Козлачков А. А., Клименко С. А., Харитонов Ю. А., Лаутс Е. Б.* Концептуальная модель обращения взыскания на децентрализованные некастодальные криптовалюты // *Предпринимательское право.* 2022. № 3. С. 42—49.

¹⁶ *Кузнецов Е. Н.* Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 347—348.

¹⁷ *Аксенов И. А.* Указ. соч. С. 40—41.

¹⁸ *Козлачков А. А., Клименко С. А., Харитонов Ю. А., Лаутс Е. Б.* Указ. соч. С. 49.

¹⁹ Центральный банк РФ. Криптовалюты: тренды, риски, меры : доклад для общественных консультаций. С. 6—9 // URL: https://cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf (дата обращения: 15.12.2024).

В этом смысле меры по деанонимизации и получению доступа к криптовалюте должны носить системный, в чем-то даже выходящий за пределы собственно исполнительного производства, характер, а арсенал средств, доступных судебному приставу-исполнителю должен быть максимально разнообразным, чтобы обеспечивать принудительному исполнению гибкость, необходимую для решения такой сложной проблемы.

Достигнув указанного понимания, рассмотрим, какие именно механизмы принудительного исполнения могли бы, на наш взгляд, способствовать решению проблем анонимности и приватности криптовалют.

Стимулирование воли должника на раскрытие информации о принадлежащей ему цифровой валюте и на содействие в обращении взыскания на нее

С точки зрения легального определения цифровая валюта представляет собой совокупность данных (запись) в информационной системе (ч. 3 ст. 1 Закона о цифровых финансовых активах). Поэтому доступ к такой информации зачастую имеет только сам должник, а сведения о принадлежности таких активов именно должнику по общему правилу сложно получить традиционными средствами, доступными органам принудительного исполнения.

Таким образом, наличие у должника доброй воли на раскрытие информации о принадлежащей ему цифровой валюте и на содействие в обращении взыскания на нее может иметь решающее значение для процесса принудительного исполнения²⁰. Заметим, что аналогичный подход предложен в ст. 9 Всемирного кодекса цифрового исполнения: национальное законодательство должно предусматривать меры воздействия на должника с целью побуждения его к сотрудничеству с судебным исполнителем при обращении взыскания на цифровые активы²¹.

При наличии у должника такой воли проблем поиска, идентификации владельца и получения доступа к криптовалютным активам должника, по сути, не будет возникать. Процесс обращения взыскания на такое имущество будет мало чем отличаться от обращения взыскания на любое другое имущество должника (кроме денег) с той лишь разницей, что криптовалюту невозможно физически изъять. При этом в науке довольно убедительно описан механизм такого изъятия посредством зачисления цифровой валюты на специальный государственный криптовалютный счет²².

Другой вопрос — как стимулировать такую добрую волю должника?

²⁰ В этом смысле мы согласны с магистральной идеей диссертации Е. Н. Кузнецова о том, что совершенствование механизмов исполнительного производства в современных условиях должно происходить не в последнюю очередь путем совершенствования механизмов добровольного исполнения. См.: *Кузнецов Е. Н.* Указ. соч.

²¹ Всемирный кодекс цифрового исполнения // *Вестник исполнительного производства.* 2021. № 4. С. 19.

²² *Козлачков А. А., Клименко С. А., Харитонов Ю. А., Лаутс Е. Б.* Указ. соч. С. 49.

Здесь, в целом присоединяясь к предложениям, уже прозвучавшим в науке (наложение на должника астрента²³, применение к должнику мер косвенного принуждения²⁴), укажем, что одних только негативных мер воздействия на должника, на наш взгляд, недостаточно. Полагаем, что если перед лицом будет стоять выбор между тем, чтобы, возможно, не потерять свое имущество, но подвергнуться мерам ответственности, и точно потерять свое имущество, но не подвергнуться ответственности, это лицо скорее всего выберет первое.

Поэтому к мерам ответственности за нераскрытие должником своих криптоактивов и несодействие судебному приставу в обращении взыскания на них следует добавить *меры позитивного воздействия*. Например, такой позитивной мерой воздействия могло бы быть освобождение должника от взыскания исполнительского сбора в той части, в которой такие криптоактивы покрывают требование взыскателя/взыскателей. Полагаем, что такая мера вполне соответствует пониманию исполнительского сбора как специальной меры ответственности²⁵ и никаких принципиальных препятствий к ее реализации в исполнительном производстве нет.

Более того, поскольку механизм частичного освобождения от взыскания исполнительского сбора, на наш взгляд, может быть распространен и на случаи, когда цифровая валюта задекларирована в порядке ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах, предложенный механизм будет способствовать и исполнению другой обязанности — налоговой. При этом согласны с теми авторами, которые полагают, что нынешняя мера ответственности за недеklarирование цифровальных активов выглядит несколько противоестественно²⁶.

Поиск цифровой валюты и получение доступа к ней путем взаимодействия с операторами информационных систем

Как известно, криптовалюты могут быть централизованными и децентрализованными, т.е. иметь или не иметь единый эмиссионный или операционный центр²⁷.

В этом смысле в качестве одного из возможных решений проблем анонимности и приватности криптовалюты буквально напрашивается взаимодействие судебного пристава с операторами информационных систем, в которых обращается криптовалюта (далее — криптовалютная биржа), в порядке, аналогичном

²³ Кузнецов Е. Н. Указ. соч. С. 347—348.

²⁴ Аксенов И. А. Указ. соч. С. 40—41.

²⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.07.2001 № 13-П по делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыхский»» // СЗ РФ. 2001. № 32. Ст. 3412.

²⁶ Янковский Р. М. Указ. соч. С. 70—71.

²⁷ Центральный банк РФ. Криптовалюты: тренды, риски, меры : доклад для общественных консультаций. С. 6—9.

обращению взыскания на бездокументарные ценные бумаги, согласно Закону об исполнительном производстве:

- розыск валюты и идентификация ее владельца путем запроса информации у операторов (ч. 1 ст. 6, п. 2. ч. 1 ст. 64);
- установление ограничения на распоряжение цифровой валютой через оператора информационной системы, в которой она обращается (ст. 82);
- оценка цифровой валюты путем запроса цен у организаторов торговли (ч. 5 ст. 85);
- реализация цифровой валюты на централизованных торгах (ч. 3, 5—7 ст. 89).

В то же время обязательным условием для использования такой процедуры обращения взыскания является не только централизованный характер оборота цифровой валюты, но и подчинение криптовалютной биржи требованиям российского законодательства. При этом исходим из того, что эффективных мер воздействия на криптовалютные биржи, находящиеся за пределами российской юрисдикции, у российского правоприменителя нет.

Несмотря на то, что исторически большинство популярных цифровых валют являются децентрализованными, а большинство криптовалютных бирж неподконтрольны российской юрисдикции, определенный полностью легальный оборот цифровых валют в России все же имеется. А значит, некоторая вероятность найти криптовалюту должника на «белых» криптовалютных биржах все же существует, и полностью сбрасывать со счетов данный способ решения проблем анонимности и приватности криптовалют не стоит.

Поиск цифровой валюты и идентификация ее владельца путем взаимодействия с другими государственными органами

Даже учитывая преимущественно децентрализованный характер оборота криптовалют и неподконтрольность данного рынка российскому государству, предположим, что определенные возможности по деанонимизации у российских государственных органов все же имеются. В этом смысле обращает на себя внимание прозвучавшее в науке предложение об установлении принадлежности криптовалют конкретному должнику на основе анализа IP-адресов, с которых осуществляется доступ к криптокошельку²⁸.

Отметим, что данное предложение представляется действенным только при условии, что доступ к кошельку осуществляется должником с одного из того же или нескольких IP-адресов, связь которых с должником можно достоверно установить. При этом современные технические решения («теплые» и «горячие» кошельки, VPN-сервисы) позволяют должнику иметь доступ к своему кошельку без привязки к конкретному устройству и IP-адресу. Кроме того, использование данного метода связано с очевидными организационными и техническими сложностями и вряд ли такое решение может быть без затруднений реализовано на «низовом уровне», где в основном и существует обсуждаемая проблема.

В то же время данное предложение может привести к другой идее, важную с точки зрения обсуждаемой проблемы. Так, одним из возможных решений

²⁸ Аксенов И. А. Указ. соч. С. 40.

проблемы анонимности криптовалюты может являться взаимодействие органов принудительного исполнения с другими государственными органами, обладающими сведениями, необходимыми для поиска и идентификации владельцев цифровой валюты. В обоснование данного направления можно привести следующие соображения.

Характеристики цифровой валюты предопределяют ее популярность в качестве средства совершения «теневых» финансовых операций. Поэтому контроль за оборотом цифровой валюты в современных условиях — это не в последнюю очередь вопрос противодействия коррупции, терроризму, отмыванию доходов, добытых преступным путем. В связи с этим информация о владельцах цифровой валюты и совершаемых ими операциях, полагаем, для своих целей аккумулирует не только ФНС России, но и, например, Росфинмониторинг. В частности, по официальным сообщениям работы над сервисом «Прозрачный блокчейн» начались еще в 2021 г.²⁹

Правовую основу для такого взаимодействия могли бы составить нормы ч. 1 ст. 6 и, по аналогии, ст. 62 Закона об исполнительном производстве, абз. 10 ч. 2 ст. 8 Закона об органах принудительного исполнения РФ³⁰, пп. 2 п. 4, пп. 9.1 п. 5, пп. 10.1 п. 6 Положения о Федеральной службе по финансовому мониторингу³¹.

Безусловно, использование в рамках исполнительного производства столь чувствительных сведений, как оперативные данные Росфинмониторинга, может вызвать некоторые опасения. Однако полагаем, что осознание должниками невозможности использования криптоактивов для избежания ответственности, в том числе по гражданско-правовым обязательствам, в конечном счете будет способствовать их выводу «из тени», нормализации криптовалютного рынка. Поэтому при должной степени осторожности (например, неразглашении перед сторонам исполнительного производства источников осведомленности и конкретных оперативных данных), данный подход, полагаем, может быть признан уместным и оправданным. В этом смысле нельзя не отметить, что аналогичный подход (максимальное взаимодействие с частными и публичными организациями, обладающими информацией о финансовых активах) предлагается в ст. 2 Всемирного кодекса цифрового исполнения³².

Получение доступа к криптокошельку должника помимо его воли

В литературе можно встретить вполне обоснованное с точки зрения имеющихся знаний о предмете мнение, что технология распределенного реестра делает невозможным доступ к криптоактивам лица без его на то согласия³³. По общему

²⁹ В РФ начнут отслеживать криптовалютные транзакции. Что это значит // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/61094fe69a794776fd9a9a4f> (дата обращения: 15.12.2024).

³⁰ Федеральный закон от 21.07.1997. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.

³¹ Указ Президента РФ от 13.06.2012 № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» // СЗ РФ. 2012. № 25. Ст. 3314.

³² Всемирный кодекс цифрового исполнения // Вестник исполнительного производства. 2021. № 4. С. 19.

³³ Аксенов И. А. Указ. соч. С. 41.

правилу, полагаем, это действительно так. Однако в данном вопросе, как представляется, есть определенные нюансы.

Во-первых, во вполне авторитетных источниках можно встретить утверждение о том, что взлом криптокошелька (в том числе основанного на технологии распределенного реестра) все же *технически* возможен³⁴.

Во-вторых, как и любая другая цифровая технология, технология криптокошелька инфраструктурозависима и оставляет следы в окружающем мире. В этом смысле материальные носители, используемые должником для доступа к криптокошельку, часто могут содержать всю информацию, необходимую для доступа к нему третьих лиц (так называемые «бумажные» и «холодные» ключи). Изъяв такие носители, судебный пристав-исполнитель вполне может получить доступ к криптоактивам должника, тем самым решив проблему приватности криптовалюты.

Поэтому, в целом соглашаясь с мыслью о том, что получить доступ к криптоактивам должника без его согласия сложно, полагаем, что при определенных обстоятельствах это все же возможно и органы принудительного исполнения должны к этому стремиться.

Несмотря на всю привлекательность идеи о санкционированном взломе криптокошелька должника, полагаем, что относиться к ней пока следует с некоторой долей скепсиса. Во-первых, несмотря на несомненную авторитетность источника, в котором говорится о такой возможности, примеры подобного широкой публике пока продемонстрированы не были и непонятно, насколько такая техническая возможность может быть реализована *фактически*. Во-вторых, пока непонятно, с какими финансовыми, трудовыми и техническими затратами будет связан такой взлом, а значит, экономический эффект от реализации данной технологии далеко не очевиден. По этой причине второй путь (получение доступа к криптокошельку должника путем изъятия носителей приватных ключей), по крайней мере пока, представляется более приоритетным. В частности, именно такой подход предлагается, например, в ст. 55 Всемирного кодекса цифрового исполнения³⁵.

Естественно, при реализации данного подхода на практике может возникнуть вопрос о принадлежности таких активов именно должнику. В условиях их преимущественной анонимности против отнесения обнаруженных активов к имуществу должника могут возражать как сам должник, так и третьи лица (супруг/супруга, сожители, партнеры по бизнесу и т.д.). Решить данную проблему, как представляется, можно одним из двух способов.

Презумпция принадлежности должнику цифровой валюты, данные для доступа к которой обнаружены на территориях и в помещениях, занимаемых должником. Несмотря на различную правовую природу, проблема принадлежности криптовалюты должнику в целом представляется сходной с проблемой, существующей в отношении движимого имущества: судебный пристав-исполнитель обнаруживает имущество, на которое можно обратить взыскание, но не имеет надежных сведений относительно принадлежности данного имущества должнику. Поэтому на нее представляется возможным распространить *презумпцию принадлежности имущества*, обнаруженного в помещениях и на территориях,

³⁴ Козлачков А. А., Клименко С. А., Харитонов Ю. А., Лаутс Е. Б. Указ. соч. С. 46.

³⁵ Всемирный кодекс цифрового исполнения. С. 31.

занимаемых должником (п. 59 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50³⁶).

Такой механизм, полагаем, позволит обеспечить баланс между потребностями оперативного обращения взыскания на имущество должника и возможными правами третьих лиц. Поскольку данная презумпция является опровержимой, гарантией соблюдения прав третьих лиц на цифровую валюту будет возможность освобождения от ареста / освобождения из описи в порядке ст. 442 ГПК РФ³⁷.

Обращение взыскания на криптовалюту на основании решения суда. Специфические характеристики криптовалюты весьма способствуют возникновению споров относительно ее принадлежности. Так, если об аресте и изъятии движимого имущества действительный владелец может узнать относительно быстро, просто не обнаружив переданную должнику (на хранение, в аренду и т.д.) вещь там, где она должна быть, то с цифровой валютой такая ситуация невозможна. Следовательно, вероятность того, что взыскание будет обращено на криптовалюту, в действительности должнику не принадлежащую, значительно выше, чем в случае с движимым имуществом.

При этом в современном российском исполнительном производстве существуют усложненные механизмы обращения взыскания на некоторые виды имущества, когда взыскание обращается на имущество только на основании решения суда (см., например, абз. 2 п. 1, п. 58 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50). Несмотря на то, что цели, исходя из которых обращение взыскания, скажем, на земельные участки, осуществляется только в судебном порядке, представляются несколько отличными при ситуации с цифровой валютой, такой механизм в целом позволит создать достаточные гарантии того, что принадлежность криптовалюты должнику будет установлена достаточно достоверно. Этому способствует процессуальная форма судебного разбирательства, которая позволит, с одной стороны, исследовать все «за» и «против» отнесения обнаруженной криптовалюты к имуществу должника, а с другой — всем возможным заинтересованным лицам заявить о своих правах на данные активы.

Заключение

Как видим, проблема анонимности и приватности цифровой валюты носит комплексный характер и требует, соответственно, комплексного же решения. В этом смысле для ее решения вряд ли можно обойтись отдельными мерами. Средства деанонимизации и получения доступа к криптовалютным активам должны различаться в зависимости и от их характеристик (централизованные/децентрализованные и т.д.), складывающейся правовой и фактической ситуации (наличие или отсутствие доброй воли должника и т.д.), чтобы обеспечить исполнитель-

³⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Российская газета. 30.11.2015. № 270.

³⁷ Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

ному производству максимальную гибкость, необходимую для решения столь сложной задачи.

В то же время отметим, что эффективность принудительного исполнения за счет цифровых активов — это вопрос не только исполнительного производства, но и не в последнюю очередь надлежащего регулирования и контроля криптовалютных рынков со стороны государства. Поэтому даже выработка надлежащих правовых механизмов поиска и получения доступа к цифровой валюте в рамках исполнительного производства сама по себе, пожалуй, не является панацеей в вопросе цифрового исполнения. Данная проблема существует в мировом масштабе и, насколько известно, еще ни одной стране в мире не удалось решить ее в полном объеме.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аксенов И. А. Обращение взыскания на цифровую валюту в исполнительном производстве // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 12. — С. 35—42.
2. Белых В. С., Болобонова М. О. Проблемы определения правового режима криптовалют // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2019. — № 3 (15). — С. 23—28.
3. Козлачков А. А., Клименко С. А., Харитонова Ю. А., Лаутс Е. Б. Концептуальная модель обращения взыскания на децентрализованные некастодиальные криптовалюты // Предпринимательское право. — 2022. — № 3. — С. 42—49.
4. Кудрявцева В. П. Исполнение требований неимущественного характера. — М. : Статут, 2015. — 272 с.
5. Кузнецов Е. Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2022. — 440 с.
6. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. — М. : 4 Принт, 2020. — 304 с.
7. Центральный банк РФ. Криптовалюты: тренды, риски, меры : доклад для общественных консультаций. — 36 с. // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 15.12.2024).
8. Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 4. — С. 43—77.